

смелости, чтобы требовать свою долю участия в управлении, то тот же самый дефицит все время, как кошмар, тяготел над революцией.

Правда, в то время государственные займы не были еще международными, и Франции нечего было бояться, что другие нации, согласившись между собой, захватят ее области, как это случилось бы теперь, если бы какое-нибудь европейское государство во время революции объявило себя банкротом. Но ей приходилось заботиться о внутренних займодавцах. Прекращение платежей по государственным займам было бы разорением для стольких лиц, что против революции восстала бы вся буржуазия, крупная и средняя, т. е. все, кроме рабочих и самых бедных крестьян. Вот почему и Учредительное, и Законодательное собрание, и Конвент, и позднее Директория должны были в течение целого ряда лет делать невероятные усилия, чтобы избежать банкротства.

Средство, на котором остановилось Собрание в конце 1789 г., заключалось в том, чтобы конфисковать церковные имущества и пустить их в продажу, а духовенству платить взамен этого постоянное жалованье. Церковные доходы оценивались в 1789 г. в 120 млн. ливров, получаемых от «десятины», 80 млн. доходов от разных имуществ (домов и земель, стоимость которых оценивалась немного больше 2 тыс. млн.) и около 30 млн. пособия, платимого ежегодно государством. В общем это составляло до 230 млн. в год. Доходы эти, конечно, распределялись между членами духовенства самым несправедливым образом. Епископы жили в утонченной роскоши и соперничали в расточительности с богачами-аристократами и принцами, тогда как городские и сельские священники бедствовали. Поэтому 10 октября епископ города Отена Талейран предложил, чтобы государство завладело всеми церковными землями, пустило их в продажу и назначило духовенству достаточное жалованье (1200 ливров в год и квартиру на каждого священника); а остальное употребило бы на покрытие части государственного долга, составлявшего 50 млн. пожизненной и 60 млн. вечной ренты, т. е. 110 млн. ливров одних процентов, которые надо было платить каждый год. По тем временам это был очень большой долг для Франции¹. Продажа церковных имуществ - земель и домов в городах - давала возможность покрыть дефицит, уничтожить остатки соляного акциза и не рассчитывать больше на продажу должностей, офицерских и чиновничьих, покупавшихся у государства. Вместе с тем продажей церковных земель имелось в виду создать новый класс земельных собственников, которые чувствовали бы свою связь с приобретенной ими в собственность землей.

Такой план возбудил, разумеется, сильные опасения во всех тех, кто владел земельной собственностью. «Вы ведете нас к аграрному закону!» - говорили в Собрании². «Знайте, что всякий раз, когда вы начнете добираться до происхождения земельной собственности, народ тоже начнет добираться до этого вместе с вами!» Таким образом владельцы земель сами признавали, что в основе всякой земельной собственности лежит несправедливость - захват или обман.

Но буржуазия, не владевшая землей, была в восторге от плана, предложенного Талейраном. Им избегалось банкротство государства, а вместе с тем буржуазии представлялась возможность покупать церковные земли. А так как слово «экспроприация» пугало благонамеренных собственников, то нашли способ избежать его. Было сказано, что имущества духовенства *поступают в распоряжение нации*, и решено было, что их тотчас же будет пущено в продажу на сумму до 400 млн. ливров.

2 ноября 1789 г. был тот памятный день, когда экспроприация церковных имуществ была принята Собранием 568 голосами против 346. Трехсот сорока шести! Эту цифру стоит запомнить. Отныне эта оппозиция, превратившаяся в заклятых врагов революции, стала делать все возможное, чтобы принести конституционному строю, а впоследствии республике как можно больше вреда.

Но значительная часть буржуазии, находившаяся, с одной стороны, под влиянием энциклопедистов, а с другой - под страхом неизбежного банкротства, не дала себя запугать. Когда громадное большинство духовенства, а в особенности монашеские ордена, начали интриговать против экспроприации церковных имуществ, Собрание провело (12 февраля 1790 г.) закон об упразднении вечных монашеских обетов и монашеских орденов обоего пола. Оно проявило некоторую слабость только в том, что не тронуло пока тех монашеских общин, которые занимались обучением детей и уходом за больными. Они были уничтожены только 18 августа 1792 г., после взятия Тюильри.

Можно себе представить, какое негодование вызвали эти законы в среде духовенства, а также и

---

¹ Ливр был почти равен франку, т. е. 40 копейкам.

² Под словом «аграрный закон» (*loi agraire*) подразумевалось тогда законодательство, которое установит *всеобщий раздел* всех земель так, чтобы всякий желающий обрабатывать землю мог получить свою долю.